Всего четверть часа назад Чу Янь услышал, что наследный принц объявился в заброшенном переулке, и его сердце едва не выскочило из груди.

Он мчался сюда словно безумный, невзирая на отчаянные попытки Тушаня его удержать и напрочь забыв об опасности: его не волновало, рыщут ли еще поблизости плотоядные твари. Он думал лишь об одном — только бы с Его Высочеством ничего не случилось.

Но звонкая пощечина в мгновение ока привела его в чувство.

Лицо Чу Яня то бледнело, то заливалось краской. Изумление на его лице сменилось жгучей обидой, а в глубине глаз промелькнула затаенная боль. Однако он поспешно скрыл свои чувства, и когда поднял взгляд, на его лице не осталось ничего, кроме безукоризненной, вежливой покорности.

— Если Ваше Высочество изволит говорить об обрушении стены, то, смею заметить, в тот момент все твари отвлеклись на приманку. Истребить их одним махом в таком положении — значило спасти весь город от неминуемой гибели.

— Но там был мой человек, — ледяным тоном отозвался Чу Яо.

Чу Янь покосился на Цзюнь Жухэна, перевязывавшего рану.

— Этот воробышек? Мало того что он даже не человек, но будь он им — неужели жизнь одного стоит целого города? К чему Вашему Высочеству так сокрушаться?

Чу Яо промолчал, словно не найдя ответа. Сделав несколько шагов навстречу брату, он вдруг мягко и снисходительно улыбнулся.

— Третий брат, как и всегда, находит безупречные оправдания. Твоя хладнокровная решимость ничуть не изменилась с годами.

Спокойная уверенность Чу Яня мигом испарилась, лицо его застыло.

«Тогда» было двенадцать лет назад. Наследнику едва исполнилось девять, и он тенью следовал за старшим братом, не умолкая ни на миг и ласково звав его: «Братец то, братец сё».

На осенней охоте в тот год Чу Янь погнался за диким скакуном и оставил А-Яо одного в лесной чаще. Когда же он в спешке вернулся, то застал ужасающую картину: маленький наследник стоял один на один с разъяренным медведем-шатуном.

Перепуганный насмерть Чу Янь не стал звать стражу. Вскинув лук, он спустил тетиву и уложил зверя на месте. Но стрела, свистнув у самого лица А-Яо, испугала мальчика; он оступился,

покатился по склону холма и сильно повредил глаза.

Хотя император Вуле тогда не стал наказывать старшего сына, случившееся легло невидимым, тяжелым бременем на сердца братьев.

Чу Янь годами убеждал себя, что падение А-Яо было трагической случайностью. Не сделай он тот выстрел, наследник погиб бы под когтями зверя. Да и за диким конем он погнался лишь потому, что А-Яо попросил: «Братец, я так хочу его!»

Но злые толки вокруг той стрелы не утихали годами. Чу Янь изнывал от сплетен и чувства вины, и лишь неизменно ласковый взгляд А-Яо приносил ему хоть какое-то утешение.

И вот сегодня этот последний луч надежды угас окончательно.

— А-Яо, — глухо выговорил Чу Янь, — неужели ты никогда мне не верил?

Чу Яо подошел к раненому Жухэну, бережно подхватил его на руки и коротко, едва заметно усмехнулся.

Эта мимолетная улыбка походила на весенний лед — тронь его луч солнца, и он растает без следа.

— Как я могу не верить тебе, братец? Если ты говоришь, что это была случайность, пусть будет так.

Никто не знал, сколько времени Чу Янь простоял один в этом заброшенном переулке. Лис Тушань осторожно ткнулся мордой в его руку и лишь тогда заметил, что из намертво сжатых пальцев Чу Яня сочится кровь, каплями срываясь на землю.

В пыли она густела и быстро чернела.

— Чего тебе? — хмуро спросил он зверя.

Тушань выплюнул под ноги хозяину смятый бумажный комок. На клочке бумаги неровным почерком было выведено: «Планы изменились».

***

Глубокой ночью, когда город затих, редкие облака затянули небо, приглушив холодный лунный свет.

Бесшумной тенью Чу Яо переступил порог темницы. Лю Шоуи, заранее предупрежденный о тайном визите, уже ждал его у входа. Освещая путь тусклым фонарем, он торопливо повел гостя вглубь подземелий.

— Во всем сознался, Ваше Высочество! И в подделке Небесного откровения, и в колдовстве — во всех грехах признал вину, — угодливо зашептал Лю Шоуи, семеня впереди. — Осторожнее, Ваше Высочество, здесь ступенька… Этот мерзавец воспользовался моей доверчивостью, подкупил личного советника и моими же руками затеял всю эту смуту!

Лю Шоуи без умолку засыпал его оправданиями, пытаясь выгородить себя. Чу Яо на мгновение остановился и одарил адъютанта ледяным взглядом. Тот мгновенно прикусил язык.

— Пытали его? — спросил Чу Яо.

— Что вы, как можно! — замахал руками Лю Шоуи. — Вы же велели сохранить почтение к его сану главного ученого Управления делами наследника, а воля Вашего Высочества для меня закон. Должно быть, Ян Бинжэнь сам понял, что деваться ему некуда, вот и перестал отпираться.

Дверь камеры со скрипом отворилась. Пламя свечи в руке стражника испуганно метнулось в сторону, выхватив из темноты лежащий на столе лист бумаги с еще влажным отпечатком пальца под признанием.

Лю Шоуи уже открыл было рот, чтобы зачитать признание, но Чу Яо прервал его коротким жестом и приказал всем удалиться.

Великий наставник Ян Бинжэнь, лишенный пышного чиновничьего одеяния, сидел в углу на куче грязной соломы в простой серой робе. Чу Яо заметил, что, несмотря на позорный плен, старик держал спину прямо. На его лице не было страха — лишь глубокое облегчение человека, наконец сбросившего опостылевшую маску.

Чу Яо тоже расслабился. Опустившись на солому напротив узника и сложив ноги по-турецки, он всмотрелся в некогда грозное лицо наставника.

— Учитель, — тихо спросил он, — зачем вы зашли так далеко?

Ян Бинжэнь медленно открыл глаза. Наткнувшись на чистый, не затуманенный безумием взгляд Чу Яо, он на миг опешил.

Чу Яо мягко улыбнулся и достал из принесенной шкатулки кувшин вина и нехитрую снедь — все то, что великий наставник предпочитал за обедом в былые годы.

— Принц Янь слишком осторожен, чтобы доверяться такому трусу и ничтожеству, как Лю

Шоуи. Ваша мнимая попытка донести на заговорщиков была лишь уловкой. Вы хотели вынудить меня нанести упреждающий удар, чтобы выставить перед двором узурпатором и предателем.

Он наполнил чарку и протянул старику.

— А когда этот замысел провалился, вы разыграли карту с катастрофой Небесного откровения.

Ян Бинжэнь помедлил, но все же принял чарку и осушил ее до дна.

— Наш маленький принц и впрямь повзрослел, — горько усмехнулся он.

— После пережитого ужаса в Цзичжоу воцарилась паника. Теперь у мятежников есть прекрасный предлог, чтобы войти в город спасителями, — Чу Яо вновь потянулся к кувшину. Широкий рукав его расшитого халата приподнялся, обнажив тонкое, белое, словно фарфор, запястье. — Обречь тысячи невинных душ на смерть ради благовидного предлога… Вы невероятно жестоки, учитель.

При этих словах старик резко вскинулся.

— Жестоко?! — голос Ян Бинжэня сорвался на крик. — Пятнадцать лет назад император велел разрушить плотину и направить бурные воды реки Ло на драконью жилу в горах Иньшань! Потоп уничтожил плодородные земли, унес жизни бесчисленного множества людей! Разве тот ужас не превосходил нынешний в сто крат?

Чу Яо тихо вздохнул.

— И это побудило вас примкнуть к заговорщикам принца Яня? Если память мне не изменяет, ваш второй сын служил младшим офицером в гарнизоне Ганьчжоу. А после того наводнения теплые вещи, что вы исправно слали ему к зиме на границу, так никто и не забрал.

Старик побелел. Пальцы его затряслись так сильно, что он едва не выронил чарку. Чу Яо осторожно забрал ее и медленно вылил хмельную влагу на солому перед ним.

— Да, все так… — старик закрыл лицо руками, содрогаясь от рыданий. — Моему Мину тогда едва исполнилось девятнадцать, он даже жениться не успел! Когда прорвало плотину, хлынули непрекращающиеся ливни, вызвав страшный оползень. Командование гарнизона, боясь повредить драконью жилу, бросило все силы на охрану драконьей жилы, а спасать людей отправили лишь горстку солдат. Мой мальчик не умел плавать… Он бросился на помощь тонущим, но его самого утащил бурный поток. Когда тело наконец прибило к берегу, речные гады объели его до неузнаваемости…

Рыдания перехватили горло.

Чу Яо не проронил ни слова.

Трагедия двенадцатого года правления Вуле удостоилась лишь сухой, короткой записи в хрониках Великой Инь. Придворный писец лаконично вывел: «Спустя два года после великого бедствия в пределах заставы не осталось путников».

И лишь теперь, слушая надрывный плач великого наставника, можно было воочию представить, сколько невыносимого горя и пролитой крови скрывалось за равнодушными росчерками кисти историка.

— Если бы не ты! Если бы только не ты! — Ян Бинжэнь в ярости указал дрожащим пальцем на юношу. — Разве пошел бы Его Величество на такое кощунство?! Он должен был войти в историю мудрым, великим правителем!

— Наш род три поколения поставлял государству верных советников, служивших верой и правдой и основателю династии, и покойному государю! Нынешний император унаследовал все величие своих предков. Но стоило тебе явиться на свет, как он сошел с ума, пытаясь отвести от тебя небесную кару! В безумной надежде изменить твою проклятую долю он сотворил столько бед… Золотой век нашей империи рухнул в одночасье! Чу Чжибай, этот страшный грех лежит на твоих плечах, и тебе вовек не отмыться!

«Чжибай» — имя, означающее «ведать белое, хранить черное», великий наставник когда-то лично начертал на свитке в день, когда маленький принц впервые переступил порог его кабинета.

Но сейчас оно звучало злой, ядовитой насмешкой.

Чу Яо покорно сносил все проклятия. Лишь когда старик обессилел и затих, тяжело дыша, он вновь наполнил его кубок.

— Вы всем сердцем желали величия Великой Инь, возложили на алтарь империи всю свою жизнь, но ваши надежды обратились в прах из-за моего появления. И более того — ваш любимый младший сын тоже погиб по моей вине.

Он сделал короткую паузу.

— Думаю, слова о том, что я — лишь несущая гибель звезда, сорвались с ваших уст не случайно. Вы верили в них всегда.

Ян Бинжэнь не стал отпираться. Сглотнув застрявший в горле ком, он молча осушил вторую чарку.

— Но скажите мне, учитель, — тон Чу Яо неуловимо изменился, став вкрадчивым и опасным. —

Вы никогда не задумывались над одним противоречием? Если отец действительно бросил все силы Поднебесной на то, чтобы отвести от меня злой рок, то почему я по сей день слаб и неизлечимо болен? После того как прорвало дамбу Иньшань, я едва не испустил дух на ваших глазах. Неужели этот факт не заставил вас усомниться?

Старик замер в замешательстве.

— Молва твердит, будто императором руководила великая отцовская любовь, безумная, но простительная, — продолжил Чу Яо. — Но что, если все было иначе? Что, если это не моя проклятая судьба губила невинных, а грехи самого императора были столь чудовищны, что кара за них пала на голову его первенца?

— Вздор! — воскликнул Ян Бинжэнь. — Повелитель милосерден по природе своей! И если он совершал ошибки, то лишь по принуждению злого рока! Все беды — лишь из-за твоей проклятой души!

— Судьбу меняют благими делами, а не чужой кровью. Попытка продлить чьи-то дни ценой чужих жизней — лишь святотатство, разрушающее душу. В трех мирах и шести путях сансары царит непреложный закон причин и следствий. Вы знаете это, я знаю это… Неужели вы думаете, что мой отец, правитель Поднебесной, этого не понимал?

С этими словами Чу Яо поднялся на ноги. В полумраке камеры его изысканные черты лица, лишенные привычной мягкости, сделались жесткими и пугающими.

— Если не верите мне, поезжайте в горы и взгляните на Ось Девяти Инь, установленную на драконьей жиле. Посмотрите, чье имя там высечено. Ах… прошу прощения. Я и забыл, что у вас больше нет такой возможности.

Глаза Чу Яо казались глубокими, безжизненными омутами. Старый учитель ошарашенно смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

— Я знаю: на словах вы клянете повелителя, но в глубине души все еще преданы ему. Иначе зачем бы вам так отчаянно пытаться взвалить всю вину за заговор на меня? Вы помогли мятежникам принца Яня начать бунт, но на деле разослали тайные призывы к оружию лишь нескольким гарнизонам. Даже если они захватят Цзичжоу, им ни за что не удержать престол. С самого начала единственной вашей целью была моя смерть.

— Но не беспокойтесь. Те письма, что вы не успели отослать заговорщикам… я отправил за вас.

Старик рванулся вперед, силясь подняться, но тяжелые цепи потянули его назад, и он с грохотом повалился на грязный пол. Он отчаянно тянул сухие руки к уходящему принцу, силясь поймать его, но не смог коснуться даже подола его шелковых одежд.

— Да ты безумец! — прохрипел Ян Бинжэнь.

Чу Яо сложил ладони вместе и отвесил узнику глубокий, исполненный почтения прощальный поклон — точь-в-точь как прилежный ученик своему наставнику.

— Я слишком долго и безропотно нес клеймо виновника всех бед. Пора с этим покончить. Ваша хитроумная игра открыла для меня новые возможности, и дальше я пойду своей дорогой. А сегодня… позвольте мне проводить вас в последний путь.

Вдруг Ян Бинжэнь судорожно схватился за грудь. Изо рта его брызнула темная кровь, окрасив подбородок. Переведя дикий взгляд на пустой кувшин, он внезапно разразился жутким, истошным хохотом, похожим на плач ночного призрака.

— Думашь… я поверю твоей лжи?.. — кашляя кровью, хрипел старик. — Ты проклят… Проклят!..

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась, навсегда прервав этот отчаянный, предсмертный бред.

***

Когда Чу Яо вышел во внутренний двор темницы, ночные тучи уже рассеялись. Высоко в небе сияла яркая, чистая луна.

Ожидавший снаружи Цзян Ли торопливо шагнул навстречу господину и зашептал:

— Ваше Высочество, наши лазутчики доносят: Чу Янь под предлогом поимки колдуна, напустившего на город каменных древоточцев, под покровом ночи тайно покинул Цзичжоу и направился прямиком к лагерю бунтовщиков.

Чу Яо ничуть не удивился. Он шел уверенно и быстро.

— За ним уследили? Шуму не наделали?

— Никак нет, все тихо, — ответил Цзян Ли. — Однако от молодого хозяина долины новостей пока нет. А злые слухи о вас ширятся по городу с пугающей быстротой. Боюсь, когда мятежники пойдут на приступ, удар в спину мы получим от тех, кто стоит рядом с нами.

По верхушкам деревьев пронесся холодный порыв ветра, листва тревожно зашуршала. Ночной воздух все еще обжигал ледяной стужей.

На лице Чу Яо не дрогнул ни один мускул.

— Пустое. Раз уж мы решились на эту опасную игру, подобного было не избежать. Ступай и сделай то, что я велел…

***

Когда Чу Яо вернулся в свои покои, водяные часы только-только отсчитали полночь.

Стоило ему переступить порог, как он увидел Цзюнь Жухэна. Юноша, не в силах уснуть от боли, поднялся с постели и теперь пытался самостоятельно сменить повязку на ране.

Этот гордец терпеть не мог жалости и наотрез отказывался лечиться при Чу Яо. Обычно он дожидался, пока принц уйдет, и просил служанок помочь ему с примочками. Но сегодня слуги, видимо, уже спали, а боль стала невыносимой, так что ему пришлось справляться самому.

Наблюдая за его неловкими, неуклюжими попытками дотянуться до спины, Чу Яо невольно улыбнулся, и давившая на сердце тяжесть после разговора в темнице немного отступила.

Он тихо затворил дверь, подошел ближе и забрал из его рук склянку со снадобьем.

— Это редчайшее и безумно дорогое средство. Если ты будешь переводить его так нещадно, казны моего Восточного дворца не хватит, чтобы прокормить тебя.

Шелковые одежды соскользнули с плеч Жухэна, обнажив спину. Рана темнела чуть ниже лопатки — в месте, куда он никак не мог дотянуться сам.

Жухэн сердито зыркнул на него, но, измученный безуспешными попытками, спорить не стал. Он сунул бутылочку Чу Яо в руки и послушно опустился грудью на мягкий край кушетки.

— Тогда сам мажь, скряга, — проворчал он.

Чу Яо уже не раз украдкой любовался его фигурой, но теперь изгиб спины юноши — тугой и гибкий, словно тетива натянутого лука — предстал перед ним во всей красе. Тело Жухэна оказалось точь-в-точь таким, каким принц его себе представлял. Стройное, лишенное изнеженности, но полное упругой силы — именно такое, какое Чу Яо находил безупречным.

Стоило Чу Яо коснуться горячими пальцами прохладной кожи, как Жухэн вздрогнул. Мускулы его напряглись, а с губ сорвался тихий вздох.

Сердце Чу Яо сладко пропустило удар, и лишь мгновение спустя он сообразил, что этот невольный звук был вызван резкой болью от прикосновения к открытой ране.

— Тсс… полегче ты, — прошипел Жухэн, впившись пальцами в простыню.

— Прости… — тихо выдохнул Чу Яо.

Изнеженный наследный принц, никогда в жизни не снисходивший до чужих забот, в уходе за своим строптивым воробышком проявлял удивительную бережность.

Когда Жухэн согрелся под его ладонью и привык к прикосновениям, напряжение спало. Юноша лежал, слегка вытянув шею. При мерцающем свете свечей его светлая кожа казалась шелковистой и нежной, словно тончайший фарфор.

Мелкие порезы и царапины, оставленные острыми осколками камней, еще не успели затянуться. Чу Яо наклонился ближе, и в нос ему ударил едва уловимый, сладковатый запах крови.

Взгляд Чу Яо потемнел. В глубине его груди заворочалось темное, неведомое доселе беспокойство.

То была неосознанная, первобытная жажда его собственного тела, измученного ледяным недугом, — инстинктивное стремление к горячей, полной жизненных сил янской крови.

Словно в тумане, повинуясь этому дикому порыву, Чу Яо положил ладонь на подставившееся плечо Жухэна и медленно склонился к его теплой шее.

http://bllate.org/book/18274/1750179